

УДК 821.161.1 – 96.091

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-17-26

«ВЛ. СОЛОВЬЕВ И ЛЕРМОНТОВ – РОДНЫЕ БРАТЯ, АВЕЛЬ И КАИН РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»¹ (статья первая)

Н. И. Милевская

Томский государственный педагогический университет, Томск

Введение. В статьях (первой и второй) рассматривается рецепция личности и творчества Лермонтова литературной критикой русских религиозных философов, преимущественно В. С. Соловьевым. В литературоведении работ, так или иначе анализирующих рецепцию творчества того или иного писателя литературной критикой философов, достаточно много. Чаще всего в них просто констатируется та или иная мысль философов без какого-то допущения возможности применять ее в качестве инструмента для анализа художественного произведения. *Материал и методы.* Осуществляется попытка использовать литературную критику русских религиозных философов в качестве методологии при анализе (а не изучении) религиозно-философской тематики художественной литературы, в данном случае при изучении личности и творчества Лермонтова. *Результаты и обсуждение.* Дается анализ литературно-критических и некоторых философских работ Соловьева, выявляются его подходы к творчеству и судьбе Лермонтова. Особое внимание уделяется рецепции поэмы «Демон» и вообще демонической темы в творчестве поэта, подтверждаются предположения о глубоко личном отношении философа к судьбе поэта, объясняемой наличием определенного сходства между ними. Обращается внимание на избирательность Соловьевым лермонтовских текстов, призванных не столько понять творчество поэта, сколько, напротив, проиллюстрировать ими свои идеи, владевшие философом в конце жизни. Дается анализ многочисленных текстов Лермонтова с ангельской и демонической тематикой, не попавших в поле зрения религиозного философа. *Заключение.* Использование литературной критики философов в качестве методологии позволило сделать вывод, что искажение Соловьевым лермонтовской демонической темы объяснялось совершенно противоположными историософскими взглядами, различными «замыслами познания»: Лермонтов пытался исследовать начало зла и писал о первенце творенья, Демоне, «духе познания», превратив свою поэму в поэму гносеологическую, тогда как Соловьев пытался понять конечные судьбы истории человечества и написал «Краткую повесть об Антихристе», сформулировав свои эсхатологические представления. Теоретическая значимость статей заключается в убедительной аргументации использования религиозно-философских исследований в качестве методологии. Практическая значимость заключается в открывшихся возможностях интерпретации текстов с религиозно-философской проблематикой.

Ключевые слова: демоническая тема, философские идеи Соловьева, «Демон» – гносеологическая поэма, ангелы и демоны при начале творенья, эсхатология, поиски спасения, мистика и метафизика.

Введение

Работ, так или иначе анализирующих рецепцию творчества того или иного писателя литературной критикой религиозных философов, достаточно много². Иногда в них просто констатируется та или иная

мысль философа. Мы убеждены в том, что литературная критика русских религиозных философов имеет важное методологическое значение³ для анализа художественных текстов, так или иначе решающих религиозно-философские проблемы⁴.

¹ Мережковский Д. С. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества.

² Маркович В. М. Миф о Лермонтове на рубеже XIX–XX вв. Имя – Сюжет – Миф / сост. Н. М. Герасимова. СПб., 1996. С. 115–139; Маркович В. М. Миф о Лермонтове на рубеже XIX–XX веков // Маркович В. М. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет. СПб., 1997. С. 172–173; Чепкасов А. В. Особенности «субъективной критики» Д. С. Мережковского (миф о Лермонтове – поэте сверхчеловечества) // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2000. Вып. 6 (22). С. 30–35; Маркович В. М. Лермонтов и его интерпретаторы // М. Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: РХГИ, 2002. С. 7–50; Юрина Н. Г. Осмысление Творчества М. Ю. Лермонтова религиозно-философской критикой рубежа веков: концепции, полемики, формирование традиций // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 1 (13). С. 76–85; Моторин А. «И в небесах я вижу Бога». О Лермонтове и его жребии. 2013. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/63026.htm>; Мосалева Г. В. Два мифа о Лермонтове и опыт поэтологического прочтения лирики поэта. URL: <http://russian-literature.com/ru/mosaleva-dva-mifa-o-lermontove>; Милевская Н. И. Версии и мифы Серебряного века о жизни и смерти Лермонтова // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2014. Вып. 9 (150). С. 131–139 и другие.

³ См.: Милевская Н. И. Значение литературной критики русских религиозных философов для понимания личности и творчества Лермонтова // VI Пасхальные чтения. Гуманитарные науки и православная культура. М., 2009. С. 64–71; Милевская Н. И. Методологическое значение литературной критики русских религиозных философов (к вопросу о реинтерпретации творчества Лермонтова) // Русское литературоведение. Материалы VII Междунар. конф. М., 2009. С. 256–261.

⁴ Еще Розанов писал о необходимости «религиозно-мистического толкования» художественной литературы, анализа «не со стороны формы и генезиса литературных произведений, как это уже есть, но со стороны их содержания и смысла, – для того, чтобы решить, наконец,

Материал и методы

В. Соловьев в 1866–1871 гг. переживал религиозный кризис. К. Мочульский писал об этом времени: «В 13 лет он признается Н. И. Карееву, что не верит больше в мощи. В 14 лет перестает ходить в церковь; в течение четырех лет предается самому крайнему отрицанию, самому яростному атеизму. Он писал впоследствии (в 1896 г.): „Будучи с детства занят религиозными предметами, я в возрасте от 14 до 18 лет прошел через различные фазы теоретического и практического отрицания“.

Теоретически он изучал „все учения, подрывавшие доверие к истине христианства“; практически „предавался иконоборчеству“. Величко рассказывает, как однажды „после вечера, проведенного в горячих рассуждениях с единомышленными товарищами, Соловьев сорвал со стены своей комнаты и выкинул в сад образа, бывшие свидетелями стольких жарких детских его молитв“.

В безбожии Соловьева было исступление. Он глумился над святынями с болезненным упоением, с кем-то боролся, на кого-то восставал, кому-то мстил. Прочитав одну французскую книжку (Laurent'a), он однажды с веселым злорадством сказал отцу: „А недурно там отделявают христианство!“» [1, с. 70].

И. М. Андреев писал: «Ранняя юность (с 15 до 18 лет) проходит под знаком яростного атеизма. ...Извращенная мистика детства и отрочества превращает Соловьева к юности в типичного нигилиста 60-х годов. Конечно, этот нигилизм носил чисто религиозный характер. Восторженная вера в Бога превратилась в восторженную веру в социализм и коммунизм» [2, с. 481]. О религиозном кризисе Соловьева писали и другие. Но вот поворот к религии объясняли по-разному. Одни считали, что перелом наступил сам собой (В. Величко, Н. Лосский, К. Мочульский), другие – что «к Богу Соловьев-атеист вернулся через рационалиста Спинозу. Следующее учение было тонким скептицизмом Джона Стюарта Милля, через которого Соловьев окончательно преодолел материализм и начал понимать, что проблема материи не менее сложна, чем про-

блема духа. Изучая Канта, Соловьев убедился, что знание не противоречит вере и что наука вполне совместима с религией» [2, с. 483]. Как бы то ни было, но религиозный перелом закончился обретением христианства, и Соловьев «становится „пламенно-верующим христианином“» [2, с. 484].

Возможно, не стоило бы уделять столько внимания юношескому религиозному кризису Соловьева, учитывая, что мало кто, пройдя через шестидесятилетие XIX в., не переживал нечто подобное. Н. Лосский, В. Зеньковский, С. Булгаков и многие другие отходили от веры во многом под влиянием идей Д. Писарева, и обратный путь их к Богу был непростым. Но вот одно наблюдение. Соловьев, говоря о «тяжбе поэта (Лермонтова. – Н. М.) с Богом», буквально отрицал лермонтовского «Демона», обличал «ложь воспетого им демонизма». При этом он утверждал: «Несмотря на великолепие стихов и на значительность замысла, говорить с полной серьезностью о содержании поэмы „Демон“ для меня так же невозможно, как вернуться в пятый или шестой класс гимназии» [3, с. 289]. Пятый или шестой класс гимназии для философа по времени совпадает с началом его религиозного переворота¹. Если на это обстоятельство намекал Соловьев, то тогда вместе с «несерьезностью» содержания поэмы Лермонтова он признавал и несерьезность его тяжбы с Богом: «тяжба» поэта носила такой же религиозный характер, как и «атеизм» философа. И вместе с тем тогда становится понятной и объяснимой догадка С. Дурылина о «предсмертном ужасе» философа перед судьбой творца «Демона», перед его гибелью (в мистическом плане): ничто не проходит бесследно в религиозной судьбе человека – не пройдут бесследно для грядущей жизни Лермонтова, по мысли философа, его демонизм, воспеваемая им ложь этого демонизма; но не пройдут бесследно для грядущей судьбы самого Соловьева и его юношеские заблуждения, его иконоборство. Произнося Лермонтову приговор, Соловьев, осуждая ложь воспетого демонизма, заблуждения поэта, готовил себе грядущее возможное оправдание; считая своей сыновней обязанно-

вопрос: верна ли данная мысль или она ложна и почему? И решить это совокупными усилиями, решить обстоятельно и строго, как это доступно только для науки», со стороны религиозно-философского содержания, если таковое есть в художественном произведении (Розанов В. В. О легенде «Великий инквизитор» // О Великом Инквизиторе Достоевский и последующие / Сложитель, автор предисловия Ю. Селеверстов. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 96). Вообще, названная книга – образец комментария к религиозному смыслу легенды, предпринятого К. Леонтьевым, В. Соловьевым, В. Розановым, С. Булгаковым, Н. Бердяевым, С. Франком.

¹ В 5-м классе гимназии Соловьеву было 11 лет. В. Л. Величко пишет, что «в старших классах гимназии он (В. Соловьев) испытал период мучительных сомнений», а в 17 лет становится глубоко и сознательно верующим человеком (Величко В. Л. Владимир Соловьев. Жизнь и творения // Вл. Соловьев: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во русского Христианского гуманитарного общества, 2000. С. 236). То есть до религиозного переворота вера Соловьева была «детской», «слепой», «бессознательной». Потом он отрицал веру, а после периода отрицания «человек, сколько-нибудь рассуждающий, уже не может верить так, как он верил, будучи ребенком» (Вл. Соловьев о себе и против себя. Из писем. Из письма к Е. В. Селевиной [Москва, 31 декабря 1872 г.] // Вл. Соловьев: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Соловьева в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 43).

стью «облегчить» тяжкое бремя души Лермонтова вовлечения им на «ложный путь» ложными мыслями и чувствами, что необходимо прежде всего «самому отошедшему», т. е. Лермонтову, Соловьев и себе «облегчал» тяжкое бремя ложных истин, владевших им. И как знаменательно звучат слова из статьи о религиозной судьбе Соловьева, написанной И. Андреевым (которые зеркально отражают взгляд философа на свои обязанности в отношении «смягчения» приговора религиозной судьбы Лермонтова): «Глубоко веря в бесконечное милосердие Христа с Его словом к грешникам... и молитвенно уповая на прощение Соловьева на последнем суде, мы не можем не чувствовать тем более своей религиозно-нравственной ответственности перед почившим. Мы обязаны облегчать бремя его души, утверждая его предсмертное духовное самоотречение путем духовно-осмысленной критики его творчества. Соловьев умер, но творчество его осталось. Его слова продолжают жить и действовать. Если для одних они являются иногда ступенью к Церкви, то для других, многих и многих, они уже стали и еще будут ступенями от Церкви!»

Любовь во Христе и Его Истине к почившему, как и к вольно и невольно им соблазненным – именно любовь эта заставляет особенно тщательно разбираться в огромном творческом наследии Соловьева, обособляя плевелы от пшеницы и выжигая их огнем духовно-просветленной критики во славу Христа и Его Непорочной Невесты Вселенской Православной Церкви» [2, с. 511–512].

И обоснование заботы о почившем, и боязнь страшной участи грядущей судьбы, и высказанная любовь к отошедшему абсолютно одинаковы: у Соловьева по отношению к Лермонтову, у Андреева – по отношению уже к самому Соловьеву. Воистину воплотилось в этом зеркальном отражении Священное Писание: «Еще аще сеет человек, тоже и пожнет...». Соловьев осудил Лермонтова (справедливо или несправедливо?), Соловьева осудил по сходным пунктам обвинения И. Андреев (справедливо или несправедливо?).

Результаты исследования и обсуждение

«Тургенев – литератор, Пушкин был тоже им, Гончаров – еще больше литератор, чем Тургенев; Лермонтов и я – не литераторы. Мы философы», – так сказал о Лермонтове Л. Н. Толстой. Удивительно, что истинный философ и поэт В. С. Соловьев не понял поэта и философа Лермонтова. Или сде-

лал вид, что не понял... Поэзию Лермонтова поэт Соловьев высоко ценил. Анализ стихотворения «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана») (1841) с характеристикой описанного Лермонтовым сна как «сновидения в кубе» достойно занял в лермонтоведении хрестоматийное место [3, с. 282–283]; стихотворение «Из-под таинственной холодной полумаски» (1841) философ называл «чудесным» [3, с. 281]; образ явившейся ему Вечной женственности позаимствовал у поэта: «И в пурпуре небесного блистанья / Очами полными лазурного огня / Глядела ты, как первое сиянье / Всемирного и творческого дня» (У Лермонтова: «Люблю мечты моей создание / С глазами, полными лазурного огня, / С улыбкой розовой, как молодого дня / За рощей первое сиянье» [4, I, с. 424–425])¹. Не так однозначно можно сказать о понимании философа Лермонтова философом Соловьевым. Оба осмысливали и как-то пытались понять «проклятые вопросы бытия». Их пониманию всегда способствует философия, в значимости которой сходились и Лермонтов, и Соловьев. Так, С. Булгаков писал: «Мысль Соловьева заключается в том, что философия, хотя имеет свои пути, задачи, методы, одним словом, свою собственную технику, не может отрываться в своих основах от общечеловеческих вопросов, которые непосредственное выражение находят лишь в религии. Философия имеет, в сущности, только одну задачу, только один вопрос – о смысле индивидуальной и общечеловеческой жизни, ставит загадку о человеке и его отношении к миру и обосновывающему этот последний началу – материи, силе, механизму, божеству. Философия должна искать Бога, это ее высшая и последняя, пожалуй, единственная задача» [5, с. 389, 391]. Вспомним, у Лермонтова Юрий Волин говорит: «Философия не есть наука безбожия, а это самое спасительное средство от него и вместе от фанатизма» [4, III, с. 152].

Литературно-критические работы Соловьева немногочисленны. Авторы статьи о литературно-критической деятельности Соловьева выделяют в ней два периода: (1894–1896) – философ выступает как критик, представитель «эстетического направления»; (1897 – 1899) – он предстает как теоретик «судьбы» поэта: «Настоящий поэт – посредник между „идеями“ и человеком. Его способности (его „Гений“) даны изначально, хотя он может не исполнить своего долга. Интересно, что в статьях начала 1890-х годов Соловьев почти не задумыва-

¹ В письмах Соловьева, которые вообще отличаются обилием в них цитат (из Пушкина, Гоголя, можно встретить и цитаты из Лермонтова: «P.S. Принц Рамен-Готен, родившийся 7 тысяч лет тому назад и ныне проживающий в Булакском музее, – там, где, вечно чуждый тени, моет желтый Нил раскаленные ступени царственных могил, неоднократно изъявлял мне сожаление...» (Письмо матери от 25/13 ноября 1875 г.) [11, с. 193]; «В последнее время значительная часть моего существования состоит из эмпирического комментария к стиху Лермонтова: “За мечь врагов и клевету друзей”. Если услышишь про меня что-нибудь скверное, знай заранее, что это друзья клеветают» (Письмо брату Михаилу от <1891 г.>) [11, с. 297].

ется о поэте как о человеке, о его судьбе”. Поэт для него только „поэт“, но не человек. Однако, исходя из его эстетики, поэт, конечно, должен принадлежать двум „мирам“, и в последних статьях душа поэта представляется как арена борьбы двух сил – светлых и темных. Исход этой борьбы определяет судьбу поэта» [6, с. 26]. Уточнение «поэт о поэтах» существенно. В современной Соловьеву критике высказывалось мнение, что его философские и религиозные идеи четче и нагляднее проявляются именно в поэзии. Например, Розанов писал: «Мне почему-то думается, что как он есть – Соловьев вылился только в стихах своих, этом прелестнейшем томике» [7, с. 629]. Или, как отмечал А. Блок, «есть Вл. Соловьев и его стихи – единственное в своем роде откровение, а есть „Собр. сочинений В. С. Соловьева“ – скука и проза» [8, с. 106]. Как бы то ни было, но в своем творчестве Соловьев воплощал философско-религиозные идеи и вместе с тем искал и очень часто находил им соответствия в творчестве близких ему поэтов. Критические статьи о них помогали ему сформулировать так волновавшие его вопросы религиозного смысла искусства и любви. Если и были отклики на эти его работы, то они редко носили полемический характер. В большей своей части они были приняты.

Литературно-критические статьи Соловьева, в которых он пытался решать вопросы религиозного смысла судьбы, напротив, чаще всего вызывали резкое их неприятие. Жизнь, человеческую природу и судьбу человека Соловьев и сам пытался постичь из поэтических произведений. Во многом его литературно-критические работы отражали понимание человеческой судьбы: прежде всего это – «Судьба Пушкина», «Лермонтов» (опубликованная уже после смерти философа в 1901 г.), а также – «Жизненная драма Платона». И как раз статьи философа о «судьбе» особенно полемичны¹. Словно он действительно «скрывался» (как писал о нем Мережковский) за своими статьями о судьбе: что-то лишнее говорил либо, напротив, недоговаривал. Ведь и цель он заранее себе ставил – вызвать недоумение, «раздразнить гусей разной масти», при этом он сам четко разграничивал взгляд на поэзию и взгляд на судьбу. Писать, чтобы вызвать недоумение, «раздразнить гусей», высказать

спорную истину, в итоге – вызвать спор. Судьба Лермонтова как нельзя лучше подходила под такую задачу [9].

А. Белый в воспоминаниях «Начало века» писал: «Лермонтов – арена борьбы: в него вцепилась романтика Вл. Соловьева; в него, как клещ, впился Розанов: Лермонтов в двойном понимании сам двойной – образ ножниц, разрезающих души» [10, с. 38]. Помимо явной и скрытой полемики в газетных и журнальных публикациях о Лермонтове, о его поэме «Демон», о судьбе, можно назвать несколько споров вокруг автора «Демона», происходивших в салонах и гостиных на рубеже веков. Об одном из таких споров узнаем из письма Соловьева к Д. Н. Цертелеву (13 сент. 1874): «Разговор о Лермонтове, как вы угадали, возобновился у С<оллогубов>. Несомненно, что Лермонтов имеет преимущество рефлексии и отрицательного отношения к наличной действительности, хотя я согласен с С<оллогубом>, что в художественном отношении Пушкин выше. Что касается до стихотворения „И скучно и грустно“, то нельзя отрицать, что по форме оно несколько прозаично» [11, с. 206]. В этом продолженном разговоре-споре речь шла о характерной для мироощущения поэта рефлексии и его отрицательном отношении к действительности. Если речь шла о рефлексии как особенности мироощущения, то в той или иной мере разговор мог касаться и судьбы поэта.

Д. Н. Цертелев, адресат письма Соловьева по поводу спора о Лермонтове, определял мировоззрение поэта как пессимистическое и объяснял свое утверждение особенностью отношения поэта к действительности: «При крайней бедности нашей философской литературы мы не имеем в России самостоятельных представителей философского пессимизма, зато в сфере поэзии и беллетристики мы можем указать на такие имена, которые не уступают самым выдающимся поэтам – пессимистам Европы. Стоит назвать только Лермонтова. Вся отрицательная сторона жизни с ее страданиями, злобой, томлением и иронией ярко отразилась в его произведениях» [12, с. 167–168]. В то же время, когда речь идет о рефлексии как таковой, уже недостаточно говорить только о философской рефлексии. Вопрос должен ставиться значительно

¹ Розанов называл статью Соловьева «Судьба Пушкина» «ужасно смешной (в предметном отношении, в отношении к Пушкину и его смерти)» (Розанов В. Еще о смерти Пушкина // Мир искусства. 1900. Т. 3, № 1–12. С. 133). Негативно об этой статье Соловьева Розанов писал также в работе «Христианство пассивно или активно». Мережковский утверждал: «О, конечно, в своем христианском прощении и незлобии Вл. Соловьев не поддержал бы собственной руки убийцы, не нажал бы собственным пальцем курка его пистолета. Но теперь, когда казнь совершилась, когда Геккерен – палач исполнил смертный приговор судьбы – Вл. Соловьев, теперь, с безопасной высоты святоотеческого Лимонария на страницах либерального „Вестника Европы“, Вл. Соловьев со спокойной совестью произнес над памятью поэта-язычника Христианскую анафему» (Мережковский Д. Праздник Пушкина // Мир искусства. 1899. № 13–14. С. 14). К. Мочульский отмечал: «Он (Соловьев) был беспомощен перед чистым случаем, конкретной особенностью, личным своеобразием; вот почему ему было трудно понять судьбу Пушкина, личность Лермонтова, значение Ницше и символистов. Провозвестник новых времен, Соловьев продолжал оставаться человеком своей эпохи и не мог вполне освободиться от жалкой поэтики 80-х годов. Он был воплощенным противоречием в жизни и творчестве» [1, с. 202].

шире – речь должна идти о рефлексии религиозно-философской. Вообще литературная критика Серебряного века имела четко прослеживаемую тенденцию к поискам в творчестве писателей религиозных смыслов: искусства, любви, природы, судьбы. Каждый из религиозных философов и художников слова во многом по-разному раскрывал в своих работах названные религиозные смыслы. В совокупности же, при всех их спорах и разногласиях, они высказывали важные наблюдения, как ни парадоксально, но во многом очень близкие. Выясняя религиозные смыслы искусства, любви, природы, судьбы, анализировал и В. Соловьев творчество поэтов.

О другом споре узнаем из «Дневника» В. Брюсова (23 мая 1900): «У Бахмана на вечернем собрании чуть не поссорился с ним – из-за Лермонтова, которого назвал четверостепенным поэтом и защищал это. Примирился после, написав сонет к Лермонтову» [13, с. 597]. Е. П. Тиханчева уточняет, что спор этот действительно был 6 мая 1900 г. на квартире поэта и преподавателя немецкого языка Георгия Бахмана. И, безусловно, права Е. Тиханчева, написав, что в сонете «К портрету Лермонтова» (1900) «следует рассматривать как изложение взглядов, которых в это время придерживался Брюсов о своем загадочном и „сумеречном“ кумире, и, одновременно, как достойную отповедь своим противникам» [14, с. 166], а также как верное свидетельство того, «что к началу 900-х годов ни поэты, ни критики „не поняли“ и „не разгадали“ тайну индивидуальности Лермонтова, т. к. по верному мнению А. Блока, Лермонтов „многим не по зубам“» [14, с. 167].

Третий спор эпохи о Лермонтове был вызван статьей Соловьева о несостоявшемся сверхчеловеке – Лермонтове и о не пройденном им сверхчеловеческом пути. Статья вызвала спор на страницах периодических изданий, «раздразнила гусей разной масти», как и предполагал философ¹. Но сам Соловьев в этой пространной полемике уже не участвовал, статьей о поэте завершив свой творческий и жизненный путь. Статья Соловьева о «демонах» поэта должна была привлечь внимание Брюсова – истинного знатока ангело- и демонологии и поклонника Лермонтова, мечтавшего, по его выражению, об «ангельски-прекрасном» и любившего «демонски-мятежное». Тогда как Соловьев вообще не увидел в творчестве и судьбе Лермонтова ничего ангельского, только демоническое. Поэма Лермонтова «Демон» была в центре внимания

эпохи. Интерес к ней был многогранным. В разных аспектах рассматривался этот лермонтовский образ и другие его демонические герои. Один из аспектов: Демон Лермонтова – это современный ему вариант сверхчеловека: «Демон располагал для своего строительства безграничными пределами вечности и незаурядными силами, по крайней мере, сверхчеловека», – отмечал И. Замотин [15, с. 120]. В то же время самого Лермонтова нередко соотносили с созданным им образом и называли – Демоном. Так, И. Эйгес писал: «Мрачный и вечный блеск, каким отливает все творчество Лермонтова – „сумерек“ нечеловеческой души, – делает Лермонтова истинным Демоном русской поэзии» [16, с. 69].

Сам термин «сверхчеловек» был изобретен еще Гёте и упоминался в мистическом хоре II части трагедии «Фауст». Но в общественное сознание он широко вошел только после Ницше, сказавшего, «что человек есть нечто, что должно преодолеть, что человек есть мост, а не цель...» [17, с. 178]. С конкретным человеком – именно с Лермонтовым – связал, как уже отмечалось, идею сверхчеловека Соловьев, отвергая как раз образ Демона, созданный поэтом, в котором видели потенциального сверхчеловека. Демонический герой Лермонтова, Демон на рубеже веков (в пору увлечения Ницше) превратились в героя-сверхчеловека, тогда как сам Лермонтов – в несостоявшегося сверхчеловека. Идея Соловьева о возможном пути сверхчеловека применительно к Лермонтову, хотя и не прошедшему достойно этот путь, по мнению философа, тем не менее привлекла к себе внимание. Появившееся желание искать, а возможно, и найти тип сверхчеловека на долгое время определило полемику вокруг Лермонтова, его личности и творчества, наконец, – вокруг его судьбы. И совершенно права была Л. Гинзбург, считая, что «из плана социального и историко-литературного вопрос откровенно переносится в план религиозно-мистический» [18, с. 216].

Заключение

«Человекобог», «Богочеловек», «сверхчеловек», «демон русской поэзии»... Пожалуй, ни об одном из художников слова так не говорили. Много говорили и спорили о религиозном мировоззрении того или иного писателя, о религиозных учениях, которым они следовали, о литературных героях в их отношении к религиозным вопросам, усматривали возможность отнесения их к типу сверхчеловека

¹ Статью Соловьева о судьбе Лермонтова Зеньковский называл «недоброй». Статья Мережковского о Лермонтове во многом писалась как полемический ответ Соловьеву. Не соглашался с концепцией философа на судьбу Лермонтова и Н. Ф. Федоров, написавший также остро-полемический ответ: «Бессмертие как привилегия сверхчеловеков (по поводу статьи В. С. Соловьева о Лермонтове)» (Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: в 4 т. / составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновы. М.: Издат. группа «Прогресс», 1995. Т. II. С. 136–140). Г. Мейер называл эту статью философа «изуверской».

или человекобога. Тогда как относительно Лермонтова именно так ставился вопрос: к какому типу можно отнести личность поэта. За ним многие признавали то, что было сформулировано Мережковским: он «в человеческом облике не совсем человек».

Что же для Лермонтова означали его демоны («демоническое хозяйство») и что означали демоны в человеческой судьбе? Если в биографии Лермонтова сложно обнаружить названных философом демонов, владевших душою поэта, то в его творчестве – демоны и ангелы занимали значительное место [9]. Помимо процитированных Соловьевым двух стихотворений под названием «Мой демон» и строфы из «Отрывка» («На жизнь надеяться страшась»), которыми философ закреплял свои выводы, из творчества Лермонтова можно вывести целую концепцию ангельского и демонического – и это будет именно лермонтовское видение темы. Оно будет заключаться прежде всего в отсутствии той однозначности, с позиций которой Соловьев и осудил певца «Демона»: демоническое и ангельское всегда соседствовали у поэта. Говорить только о демоническом, опуская ангельское, – это значит исказить Лермонтова. С. Дурылин в статье «Судьба Лермонтова» уже указывал на эту особенность лермонтовских видений, споря как раз с Соловьевым. «Прав Вл. С. Соловьев. Но он забыл, что в тот самый год, когда Лермонтов видел: По небу голубому пролетал / Однажды демон, – он видел и иного, пролетавшего по небу: По небу полуночи ангел летел. И религиозная судьба Лермонтова не завершилась тем, что его не покинул „гордый демон“: его также не покинул и ангел» [19, с. 8]. С. Дурылин постоянно подчеркивал, что «оба видения не разлучались с Лермонтовым во всю его жизнь, но от одного он убегал – и это было видение демона, а к другому он шел “высшими звуками” своей поэзии и жизни – это было видение ангела» [19, с. 6]. Удивительно, что Соловьев вообще как будто не заметил лермонтовское стихотворение «Ангел», высоко ценимое всеми романтиками, критиками и философами – идеалистами рубежа веков. Об этом стихотворении митрополит Анастасий сказал на одном из съездов молодежи в Америке: «Если бы Лермонтов написал только одно это стихотворение, то он заслуживал бы бессмертия» (цит. по: [2, с. 144–145]).

Как нам кажется, в целостном единстве надо рассматривать не только двух «Моих демонов» и «Ангела», но и стихотворения «К Гению», «К себе», «Я не для ангелов и рая», а также еще целый ряд стихотворений и поэм, в которых заявлена ангельско-демоническая тема или представлены лермонтовские «демонические герои». В стихотворении «К Гению» Лермонтов обращается к духу, который может приравняться к демонам

или ангелам, т. е. злым или добрым духам, сопровождавшим земную жизнь человека. Такое понимание гения – духа можно не раз встретить у Лермонтова. Например, в неоконченном романе «Вадим» Лермонтов характеризует главного героя: «Он был враждебный Гений этого дома...» [4, IV, с. 19]; в том же значении он употребляет это слово в поэме «Измаил-Бей» при описании потока, который «как две семьи – враждебный гений, / Два гребня разделяет...» [4, II, с. 190]. Именно как к такому существу, сопровождавшему всю жизнь человека, обращался Лермонтов в стихотворении «К Гению», и существо это – чистый, добрый, святой дух, которого поэт и просит охранять его: «Молю тебя, молю, хранитель мой святой...», «Ты ж, чистый житель тех неизмеримых стран, / Где стелется эфир, как вечный океан, / И совесть чистая с беспечностью драгою, / Хранители души, останьтесь ввек со мною!» [4, I, с. 25–26]. Ангел приносит душу на землю. Святой ангел-хранитель служит для охранения этой души, он сопровождает человека в течение всей его жизни. Такого ангела Лермонтов желает ребенку на его рождение: «Да будет с ним благословенье / Всех ангелов небесных и земных» [4, I, с. 409]. Ангелы же забирают души умерших, чтобы препроводить их в место вечное. В произведениях Лермонтова можно обнаружить много мест, свидетельствующих о вере поэта в предсуществование души до вселения ее в человека, о том, что душа помнит свое прошлое. Исследователи отмечали, что в стихотворении «Ангел», представляющем «превосходнейший эпиграф ко всей книге, чудную надпись у входа в царство фантазии Лермонтова» [20, с. 8], нашла отражение теория платоновского «анамнезиса». Н. Бродский обратил внимание, что во времена Лермонтова многие из современников поэта верили в доземное существование души, в ее божественную сущность: «Вера в божественную сущность человеческой души, в человека как „образ разума – Творца“, создание „божественной идеи“, горячее убеждение, что „не напрасно мерцают для нас звезды таинственным блеском и томят душу нашу тоскою, как воспоминание о милой родине, с которой мы давно разлучены и к которой рвется душа наша...“» [21, с. 58] Вяч. Иванов в своей статье о Лермонтове писал: «Прекрасное стихотворение „Ангел“ – вздох тоскующей души, помнящей песнь ангела, несущего ее в мир, – свидетельствует, что семнадцатилетний автор был практически уже посвящен в учение о предсуществовании и анамнезисе» [22, с. 265]. Удивительно, что Соловьев, увлекающийся Платоном, не заметил в поэзии Лермонтова этих мотивов.

В раздумьях Лермонтова о человеке значительное место отведено душе: «А душу можно ль рас-

сказать?» – вопрос, который задают герои трех поэм: «Исповедь» [4, II, с. 125]; «Боярин Орша» [4, II, с. 258]; «Мцыри» [4, II, с. 407]; «История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление», – рассуждает автор в предисловии к роману «Герой нашего времени» [4, IV, с. 225]. Именно душе Лермонтова Соловьев хотел облегчить бремя. Одной из тайн – и была тайна человеческой души. По Лермонтову, она существовала задолго до вселения ее в тело человека, она переживает это тело, когда оно станет прахом: «Пережить одна / Душа лишь колыбель свою должна» [4, I, с. 168]; «Кто силится купить страданием своим / И гордою победой над земным / Божественной души безбрежную свободу» [4, I, с. 282]; «...и было как-то весело, что я так высоко над миром, – чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и верно будет опять» [4, IV, с. 202]. Жизнь человека – это его «земное краткое изгнание»: «Душа моя должна прожить в земной неволе / Не долго» [4, I, с. 277]. А что будет с душой после смерти? Вопрос о жизни после смерти, о бессмертии души волновал людей во все века. В 30–40-е гг. XIX в., во времена Лермонтова, также задавали этот вопрос. Так, одной из причин раскола кружка Герцена называют различное отношение его участников к проблеме бессмертия души. Задавал этот вопрос и Лермонтов, и можно найти в его творчестве множество доказательств. Достаточно вспомнить его стихотворение «1831-го июня 11 дня», считающееся программным: «Грядущее тревожит грудь мою. / Как жизнь я кончу, где душа моя / Блуждать осуждена, в каком краю / Любезные предметы встречу я?» [4, I, с. 169]. Душа же лирического героя в циклах «Ночь»: «Ночь. I», «Ночь. II», «Ночь. III» и «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами») и «Смерть» («Оборвана цепь жизни молодой») после разделения с телом подвергалась наказанию за грехи в том месте, где она грешила [9]. Лермонтов задумывался о грядущем «божественной души», как следствие – много рассуждал о ее назначении в «земной неволе», о возможности ее «безбрежной свободы» по возвращении на родину – все то, в чем ему отказывал Соловьев. Душа, по Лермонтову, дает себе отчет за все в этой жизни, готовясь к жизни вечной: «...душа, страдая и наслаждаясь, дает себе во всем строгий отчет и убеждается в

том, что так должно; она знает, что без гроз постоянного зноя солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, – лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие Божие» [4, IV, с. 266]. О предсуществовании своей души Лермонтов, казалось, знал. С. Шувалов обобщал это знание: «Есть люди, которые знают не только о том, что их „я“ существует т е п е р ь, но также и о том, что оно с у щ е с т в о в а л о р а н ь ш е своего появления на земле. Такое знание является у этих людей фактом памяти: они помнят, правда, очень смутно и неясно о каком-то ином бытии, – о том, чего никак не могут связать с каким-либо определенным моментом жизни на земле.

Такое непосредственное сознание своего изначального бытия, „чувство незапамятной давности“, по выражению Мережковского, является свойством натур с тонкой психической организацией, одаренных могучим воображением и потому очень охотно уходящих из реального мира в царство созданных ими образов. К таким натурам принадлежал и Лермонтов» [23, с. 136–137]. Ну, а вообще души-ангелы, души, сопровождаемые ангелами и в мир «печали и слез», и в мир иной! «Срок ли приблизиться часу прощальному / В утро ли шумное, в ночь ли безгласную / Ты воспрять пошли к ложу печальному / Лучшего ангела душу прекрасную» [4, I, с. 380]; вообще вся эта молитва к Теплой Заступнице мира холодного («Молитва» («Я, Матерь Божия, ныне с молитвою») – молитва за «душу достойную» «девы невинной»). Какие они, сколько их – родственных душ, возможно ли их обнаружить?

В романе «Вадим» Лермонтов, говоря о способности Ольги понимать «язык любви», писал: «Нельзя сомневаться, что есть люди, имеющие этот дар, но им воспользоваться может только существо избранное, существо, которого душа создана по образцу их души, которого судьба должна зависеть от их судьбы... и тогда эти два создания, уже знакомые прежде рождения своего, читают свою участь в голосе друг друга; в глазах, в улыбке... и не могут обмануться... и горе им, если они не вполне доверяются этому святому таинственному влечению... оно существует, должно существовать вопреки всем умствованиям людей ничтожных, иначе душа брошена в наше тело для того только, чтоб оно питалось и двигалось...» [4, IV, с. 35].

Душе Лермонтов отводил в жизни человека исключительное место. И люди – «существа, которые на высшей степени несчастья так умеют обрубить, обточить свою бедственную душу, что она теряет все способности, кроме первой и послед-

¹ В. Н. Ильин справедливо отмечал, что во всех «гармоничных» стихотворениях Лермонтова «ангелы, окружающие колыбель, и ангелы, уносящие душу, словно одни и те же» (Ильин В. Н. Печаль души молодой (М. Ю. Лермонтов) // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. Из наследия первой эмиграции / сост. М. Д. Филина. М.: Ррский мир, 1999. С. 23).

ней: жить!» [4, IV, с. 50] – вызывали у него презрение. Человек, по мысли Лермонтова, наделен разумом («Так! мысль великая хранилась / В тебе доныне, как зерно; / С тобою в мир она родилась: Погибнуть ей не суждено!» [4, I, с. 206]; душой – «Люди хотят иметь души... и что же? – / Души в них волн холодней!» [4, I, с. 260]; сердцем – «Есть чувство правды в сердце человека, / Святое вечности зерно: / Пространство без границ, течение века / Объемлет в краткий миг оно» [4, I, с. 267]; совестью – «Как я любил, за что страдал, / Тому судья лишь Бог да совесть!.. / Им сердце в чувствах даст отчет; / У них попросит сожаленья; / И пусть меня накажет Тот, / Кто изобрел мои мученья; / Укор невежд, укор людей / Души высокой не печалит...» [4, I, с. 383]; волей – «И в самом деле, что может противостоять твердой воле человека? – воля заключает в себе всю душу; хотеть – значит ненавидеть, любить, сожалеть, радоваться, – жить, одним словом; воля есть нравственная сила каждого существа, свободное стремление к созданию или разрушению чего-нибудь,

отпечаток божества, творческая власть, которая из ничего создает чудеса... о, если б волю можно было разложить на цифры и выразить в углах и градусах, как всемогущи и всезнающи были бы мы!..» [4, IV, с. 85]¹.

Покая поэт искал в конце жизненного пути: «Я ищу свободы и покоя! Я б хотел забыться и заснуть» [4, I, с. 488]. Сомнение в возможности обретения «вечного покоя» – в начале жизни, страстное желание обретения покоя – в конце ее олицетворяют те изменения в лермонтовском мирокапании, которые свидетельствуют об обретении истины. Если 1830 г. Лермонтов в стихотворении «Исповедь» писал: «И ум как прежде безотрадный, / Желанной цели не достиг» [4, I, с. 187], то уже в 1840 г. он заявлял: «Я жизнь постиг; судьбе, как турок иль татарин, / За все я ровно благодарен; / У Бога счастья не прошу / И молча зло переносу» («Я к вам пишу случайно; право») [4, I, с. 451]. Десять лет было достаточно поэту, чтобы постичь жизнь. Безусловно, помогало в этом ему творчество, в котором жизнь, неисчерпаемая годами, исчерпывалась мыслью.

Список литературы

1. Мочульский К. Владимир Соловьев. Жизнь и учение // Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / составл. и послесп. В. М. Толмачева. М.: Республика, 1995. С. 63–216.
2. Андреев И. М. Русские писатели XIX века. М.: Братство Преподобного Германа Аляскинского Платина, Калифорния. Российское Отделение Валаамского Общества Америки, 1999. 536 с.
3. Соловьев В. С. Лермонтов // Литературная критика / сост. и коммент. Н. И. Цимбаева и В. И. Фатющенко. М.: Современник, 1990. С. 274–291.
4. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / под ред. В. А. Мануйлова, В. Э. Вацура, Т. П. Головановой, Л. И. Назаровой, И. С. Чистовой. Л.: Наука, 1979–1981 (Т. I: Стихотворения. 1828–1841; Т. II: Поэмы; Т. III: Драмы; Т. IV: Проза. Письма).
5. Булгаков С. Без плана // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 388–444.
6. Фатющенко В. И., Цимбаев Н. И. Владимир Соловьев – критик и публицист // Литературная критика / сост. и коммент. Н. И. Цимбаева. М.: Современник, 1990. С. 5–34.
7. Из переписки С. А. Рачинского с предисловием и примечаниями В. В. Розанова // Русский вестник. СПб., 1902. Т. 281, вып. X. С. 603–629.
8. Блок А. А. Е. П. Иванову. 15 июня 1904. Шахматово [письмо] // Александр Блок. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1963. Т. 8: Письма 1898–1921. С. 104–107.
9. Милевская Н. И. Проблема «демонического хозяйства» М. Ю. Лермонтова (в критике В. С. Соловьева) // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе века (архетип, мифологема, мотив): материалы юбилейной конференции, посвященной 100-летию Томского государственного педагогического университета и 5-летию кафедры литературы XX века и МХК (12 декабря 2001 года). Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2002. С. 25–32.
10. Белый А. Начало века. Воспоминания: в 3 кн. / редкол.: В. Вацура, Н. Гей, Г. Елизаветина и др. Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. М.: Художественная литература, 1990. Кн. 2. 687 с.
11. Соловьев В. «Неподвижно лишь солнце любви...» Стихотворения. Проза. Письма. Воспоминания современников. М.: Московский рабочий, 1990. 444 с.
12. Цертелев Д. Н. Что такое пессимизм // Новый путь. 1904. № VI. С. 163–175.
13. Брюсов В. Собр. соч.: в 7 т. Т. I: Стихотворения. Поэмы. 1892–1909 / под общ. ред. П. Г. Антокольского. М.: Художественная литература, 1973.
14. Тиханчева Е. П. Брюсов о русских поэтах XIX века. Ереван: Айастан, 1973. 190 с.
15. Замотин И. И. М. Ю. Лермонтов. Мотивы идеального строительства жизни. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1914. 154 с.
16. Эйгес И. О Лермонтове. К метафизике сновидения // Аполлон. 1914. № 10. С. 5–69.

¹ Выбор человека полностью зависит от его воли, именно по своей воле человек делает тот или иной выбор, именно воля человека оказывается «судимой»: «награда или возмездие человека, смотря по тому, что заслужила его свободная воля», соглашается с этим утверждением Данте писавший о нем Д. Мережковский (Мережковский Д. С. Данте. Томск: Водолей, 1997. С. 161).

17. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // К генеалогии морали. Минск: Попурри, 1997. 624 с.
18. Гинзбург Л. Творческий путь Лермонтова. Л.: Художественная литература, 1940. 223 с.
19. Дурылин С. Судьба Лермонтова // Русская мысль. М.; Пг., 1914. Кн. 10. С. 1–30.
20. Андреевский С. А. Лермонтов. Характеристика // Торжественный венок. М. Ю. Лермонтов. Слово о поэте. 1837–1999 / сост. С. С. Лесневский. М.: Прогресс, 1999. С. 4–33.
21. Бродский Н. Л. Поэтическая исповедь русского интеллигента 30–40-х годов // Венок М. Ю. Лермонтову. Юбилейный сб. М.; Пг.: Изд-во товарищества «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 56–110.
22. Иванов В. Lermontov – Лермонтов // Лик и личины России. Эстетика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. С. 249–266.
23. Шувалов С. В. Религия Лермонтова // Венок М. Ю. Лермонтову. М.; Пг.: Изд-во товарищества «В. В. Думнов, наследники бр. Салаевых», 1914. С. 135–164.

Милевская Наталия Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: milevskaya7@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 06.11.2018.

DOI: 10.23951/1609-624X-2019-1-17-26

«VL. SOLOVYOV AND LERMONTOV – SIBLINGS, ABEL AND CAIN OF RUSSIAN LITERATURE» (ARTICLE ONE)

N. I. Milevskaya

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. This article reviews the personality of Lermontov and his works by criticism of Russian religious philosophers, especially by V.S. Solovyov. History and criticism of literature have a lot of researches, which analyze works of different writers by literary criticism of philosophers. Most often, they simply state one or another thought of philosophers without any assumption that it can be used as an instrument to analyze a piece of art. *Materials and research methods.* There is an attempt to use literary criticism of Russian religious philosophers as a methodology within analyzing religious-philosophy subject of the artistic literature, in this case by learning life and art of Lermontov in the article. *Results and discussion.* There is an analysis of literary-critical and some philosophical works of Solovyov in the article, as well as identification of his approaches to creativity and the fate of Lermontov. Special attention is given to the reception of the poem «Demon» and to the demonic theme in the works of the poet in general, confirms the assumptions about deeply personal attitude of the philosopher to the poet's fate, and interprets the certain similarity between them. Attention is drawn to Solovyov's selectivity of Lermontov's texts, designed not only to understand the work of the poet, but rather to illustrate his ideas, which owned the philosopher at the end of his life. The analysis of numerous texts of Lermontov with angelic and demonic themes, which not perceived by the religious philosopher is given. *Conclusion.* The use of literary critics of the philosophers as methodology allowed us to conclude that the distortion of Lermontov's demon theme made by Solovyev was explained by completely opposite historiosophical views, different «conceptions of knowledge»: Lermontov tried to explore the beginning of evil and wrote about the first-born of creation, Demon, “the spirit of knowledge”, turning the poem into the gnosiological poem, while Solovyev tried to understand the ultimate fate of human history and wrote the «Short story about the Antichrist» by formulating his eschatological views.

Key words: *Demonic theme, philosophical ideas of Solovyov, «Demon» – the gnosiological poem, angels and demons at the beginning of the creation, eschatology, a search of salvation, mysticism and metaphysics.*

References

1. Mochul'skiy K. Vladimir Solov'ev. Zhizn' i ucheniye [Vladimir Solovyov. Life and learning]. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskiy. Sostavl. i poslesl. V. M. Tolmacheva* [Gogol. Soloyev. Dostoevsky. Composition and afterword by V. M. Tolmacheva]. Moscow, Respublika Publ., 1995. Pp. 63–216 (in Russian).
2. Andreev I. M. *Russkiye pisateli XIX veka* [Russian writers of XIX century]. Moscow, Bratstvo Prepodobnogo Germana Alyaskinskogo Platina, Kaliforniya. Rossiyskoye Otdeleniye Valaamskogo Obshchestva Ameriki Publ., 1999. 536 p. (in Russian).
3. Solov'ev V. S. Lermontov. *Literaturnaya kritika*. Sost. i komment N. I. Tsimbaeva i V. I. Fatyushchenko [Literary critics. Composition and afterword by N. I. Tsimbaeva and V. I. Fatyushchenko]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. Pp. 274–291 (in Russian).
4. Lermontov M. Yu. *Sobraniye sochineniy: v 4 t. Pod red. V. A. Manuylova, V. E. Vatsuro, T. P. Golovanovoy, L. I. Nazarovoy, I. S. Chistovoy* [Set of works consisting of 4 books. Edited by V. A. Manuylov, V. E. Vatsuro, T. P. Golovanova, L. I. Nazarova, I. S. Chistova]. Leningrad, Nauka Publ.,

- 1979–1981. (T. I: Stikhotvoreniya. 1828–1841; T. II: Poemy; T. III: Dramy; T. IV: Proza. Pis'ma) [(Vol. I: Poems. 1828–1841; Vol. II: Poems; Vol. III: Dramas; Vol. IV: Prose. Letters)] (in Russian).
5. Bulgakov S. *Bez plana* [Without a plan]. *Voprosy zhizni*, 1905, no 3, pp. 388–444 (in Russian).
 6. Fatyushchenko V. I., Tsimbaev N. I. Vladimir Solov'ev – kritik i publitsist [Vladimir Solovyov – critic and publicist]. *Literaturnaya kritika*. Sost. i kommentarii N. I. Tsimbaeva [Literary criticism. Comp. and comments by N. I. Tsimbaev]. Moscow, Sovremennik Publ., 1990. Pp. 5–34 (in Russian).
 7. Iz perepiski S. A. Rachinskogo s predisloviem i primechaniyami V. V. Rozanova [From the correspondence of S. A. Rachinskogo (with introduction and comments by V. V. Rozanov)]. *Russkiy vestnik* [Russian Gazette]. St. Petersburg, 1902. Vol. 281. Issue X. Pp. 603–629 (in Russian).
 8. Blok A. A. E. P. Ivanovu. 15 iyunya 1904. Shakhmatovo [pis'mo] [Blok A. A. to E. P. Ivanov. 15 June 1904. Shakhmatovo [letter]]. *Aleksandr Blok. Sobr. soch.:* v 8 t. T. 8: Pis'ma 1898–1921 [Alexander Blok. Collected works: in 8 volumes. Vol. 8: Letters of 1898–1921]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1963. Pp. 104–107 (in Russian).
 9. Milevskaya N. I. Problema «demonicheskogo khozyaystva» M. Yu. Lermontova (v kritike V. S. Solov'eva) [The problem of 'demonic household' of M. Yu. Lermontov (criticism of V. S. Solovyev)]. *Transformatsiya i funktsionirovaniye kul'turnykh modeley v russkoy literature XX veka (arkhetip, mifologema, motiv): materialy yubileynoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta i 5-letiyu kafedry literatury XX veka i MKhK (12 dekabrya 2001 goda)* [Transformation and functioning of cultural models in Russian literature of XX century (archetype, myth, motive): materials of the anniversary conference dedicated to the 100th anniversary of the Tomsk State Pedagogical University and the 5th anniversary of the Department of Literature of the 20th Century and the World Art (December 12, 2001)]. Tomsk, Publishing house of Tomsk State Pedagogical University Publ., 2002. Pp. 25–32 (in Russian).
 10. Belyy A. *Nachalo veka. Vospominaniya: v 3 knigakh*. Kn. 2. Redkol.: V. Vatsuro, N. Gey, G. Elizavetina i dr. Podgot. teksta i komment. A. Lavrova [The beginning of the century. Memories. Consisting of 3 books. Book 2. Editorial board: V. Vatsuro, N. Gay, G. Elizavetin and others. Preparation of text and commentary by A. Lavrov]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 687 p. (in Russian).
 11. Solov'ev V. «Nepodvizhno lish' solntse lyubvi...» Stikhotvoreniya. Proza. Pis'ma. *Vospominaniya sovremennikov* ['Only the sun of love is motionlessly ...' Poems. Prose. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 444 p. (in Russian).
 12. Tseretelev D. N. Chto takoye pessimizm [What is pessimism?]. *Novyy put'*, 1904, no 6, pp. 163–175 (in Russian).
 13. Bryusov V. *Sobraniye sochineniy: v 7 tomakh*. Tom. I: Stikhotvoreniya. Poemy. 1892–1909. Pob obshchey redaktsiyey P. G. Antrokol'skogo [Set of works consisting of 7 books. Book I: Verses. Poems. 1892–1909. Under the general editorship of P. G. Antokolsky]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1973 (in Russian).
 14. Tikhancheva E. P. *Bryusov o russkikh poetakh XIX veka* [Bryusov about the Russian writers of XIX century]. Erevan, Ayastan Publ., 1973. 190 p. (in Russian).
 15. Zamotin I. I. *M. Yu. Lermontov. Motivy ideal'nogo stroitel'stva zhizni* [M. Yu. Lermontov. Motives of ideal life building]. Warsaw, Tipografiya Varshavskago uchebnogo okruga Publ., 1914. 154 p. (in Russian).
 16. Eyges I. *O Lermontove. K metafizike snovideniya* [About Lermontov. To the metaphysics of dream]. *Apollon*, 1914, no. 10, pp. 51–69 (in Russian).
 17. Nitshe F. Tak govoril Zaratustra [Thus spoke Zarathustra]. *K genealogii morali* [To the genealogy of morality]. Minsk, Popurri Publ., 1997. 624 p. (in Russian).
 18. Ginzburg L. *Tvorcheskiy put' Lermontova* [The creative way of Lermontov]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. 223 p. (in Russian).
 19. Durylin S. Sud'ba Lermontova [The fate of Lermontov]. *Russkaya mys'* [Russian thought]. Moscow – Petrograd Publ., 1914. Book X. Pp. 1–30 (in Russian).
 20. Andreevskiy S. A. Lermontov. Kharakteristka [Lermontov. Characteristics]. *Torzhestvennyy venok. M. Yu. Lermontov. Slovo o poete. 1837–1999*. Sostavitel' S. S. Lesnevskiy [Solemn wreath. M. Yu. Lermontov. A word about the poet. 1837–1999. Comp. S. S. Lesnevsky]. Moscow, Progress Publ., 1999. Pp. 4–33 (in Russian).
 21. Brodskiy N. L. Poeticheskaya ispoved' russkogo intelligenta 30–40-kh godov [Poetic confession of a Russian intelligent of the 30–40th]. *Venok M. Yu. Lermontovu. Yubileynyy sbornik* [Wreath for M. Yu. Lermontov. Anniversary collection]. Moscow – Petrograd, Izd-vo tovarishchestva «V. V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh» Publ., 1914. Pp. 56–110 (in Russian).
 22. Ivanov V. Lermontov – Lermontov [Lermontov]. *Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaya teoriya* [Face and guises of Russia. Aesthetics and literary theory]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. Pp. 249–266 (in Russian).
 23. Shuvalov S. V. Religiya Lermontova [Religion of Lermontov]. *Venok M. Yu. Lermontovu* [Wreath for M. Yu. Lermontov]. Moscow – Petrograd, Izd-vo tovarishchestva «V. V. Dumnov, nasledniki br. Salaevykh» Publ., 1914. Pp. 135–164 (in Russian).

Milevskaya N. I., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).
E-mail: Milevskaya7@yandex.ru